

ДОН НИГРО

МИНИ

Дон Нигро Минни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49590679

Минни:

Аннотация

Объединяет пьесы главная героиня, Минни, жительница города Армитейдж, расположенного в восточной части штата Огайо

Содержание

1	5
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дон Нигро

Минни

Дон Нигро «Минни/Minny». Входит в сагу «Пендрагон-Армитейдж». Пьеса-коллаж, включающая в себя короткие пьесы: «Ведьмы/Witches», «Сороконожки/Centipedes», «Стеклоград/Glasstown», «Ида Лупино в темноте/Ida Lupino in the Dark».

Объединяет пьесы главная героиня, Минни, жительница города Армитейдж, расположенного в восточной части штата Огайо

1

Первая зарисовка о трех сестрах. Одна из них, средняя, Минни пытается убедить остальных, что они не обычные девушки, а ведьмы.

ВЕДЬМЫ

Действующие лица:

КЕЙТЛИН КЕЛЛИ – 19 лет

МИННИ КЕЛЛИ – 15 лет

ШЕРРИ КЕЛЛИ – 13 лет

Декорация:

Дом на Армитейдж-авеню, в Армитейдже, маленьком городе в округе Пендрагон, в холмистой части восточного Огайо.

Время: 1971 г.

(Утро в комнате, которую делят сестры. КЕЙТЛИН одевается. ШЕРРИ еще спит. МИННИ сидит на кровати).

МИННИ. Господи! Мне было видение. Я знаю, кто я. Я знаю, кто мы.

КЕЙТЛИН. Мы знаем, кто мы, Минни. Мы – сестры Келли, и мы опаздываем. (*Шлепает по прикрытому одеялом задку своей младшей сестры ШЕРРИ*). Шерри, подъем. Встань и засияй.

ШЕРРИ (*из-под одеяла*). Не хочу я вставать и сиять. Я хочу утонуть и впасть в спячку.

МИННИ. Просыпайся, Шерри. Я знаю, кто мы.

ШЕРРИ. Я – впавшая в спячку бобриха. Отстаньте от меня.

МИННИ. Мы – ведьмы. Я это видела.

КЕЙТЛИН. Минни приснился очередной сон.

МИННИ. Больше, чем сон. Это было видение во сне. Да только по-настоящему я не спала. Я запомнила, кто мы. Мы ведьмы. Как ведьмы из Шотландской пьесы, посмотреть которую бабушка Минни возила меня в Кливленд.

КЕЙТЛИН. Ты говоришь про «Макбета»?

МИННИ. Название пьесы лучше не произносить. Это к беде. Бабушка Минни научила меня этому. О таком она много чего знает.

ШЕРРИ. Быть твоей сестрой – точно к беде. Пожалуйста, заткнись.

МИННИ. И наши имена не Кейтлин, Минни и Шерри. Они совсем другие.

КЕЙТЛИН. Граучо, Чико и Харпо? Ларри, Керли и Мо?

МИННИ. Минуточку. Я пытаюсь вспомнить. Они уплывают. Вы заставляете их уплыть.

ШЕРРИ. Как мне хочется, чтобы мы смогли заставить уплыть тебя.

КЕЙТЛИН (*рывком сдергивает одеяло с ШЕРРИ*). Быстро вставай. Мы уже опаздываем. Мы всегда опаздываем.

ШЕРРИ. На похороны можно и опоздать. Покойница никуда не денется. Нет ей нужды спешить к обеду или в кино.

МИННИ. Почему меня никто не слушает? Я говорю кое-что важное. Мы – не мы. Мы кто-то еще. Мы – ведьмы.

КЕЙТЛИН. Сладенькая, тогда был спектакль, а этой ночью тебе приснился сон.

МИННИ. Но я видела. И запомнила. Это мы.

ШЕРРИ. Как это могли быть мы? Мы – это мы.

МИННИ. Нет. Мы только думаем, что мы – это мы. Это сон. На самом деле мы – ведьмы. Я хочу сказать, что мы еще и мы, но это только роли, которые мы играем. Это похоже на восковые таблички, с которых стирали старые надписи, чтобы поверх писать новые, но стирали плохо. Поэтому частично старые надписи проступают. Действительно, кажется, будто мы – это мы, но на самом деле мы те, кто в глубине, и наши настоящие «я» проглядывают в некоторых местах, когда мы спим, словно сквозь дырки в швейцарском сыре.

ШЕРРИ. Теперь она думает, что мы – сыр.

КЕЙТЛИН. Нет никаких ведьм. Они не существуют. Они

всего лишь персонажи пьесы.

МИННИ. Персонажи пьесы существуют. Все, что мы можем себе представить, существует, потому что мы можем себе это представить. Все, что ты знаешь, у тебя в голове. И ты понятия не имеешь, что на самом деле снаружи. Мы имеем дело лишь с отражениями в мозгу, поэтому воображаемое столь же реально, как и то, что ты помнишь или думаешь, что видишь.

КЕЙТЛИН. Не реально это, Минни.

МИННИ. Но представляется реальным. Гораздо более реальным, чем это. Мы сидели, помешивая варево в большом старом котле, и что-то там плавало. Я подумала, что фрикаделька, но на самом деле это был большой палец.

КЕЙТЛИН. Хороший источник белка.

МИННИ. И мы учились становиться невидимыми.

ШЕРРИ. Как бы мне это пригодилось.

МИННИ. И там были совы. Я помню сов.

КЕЙТЛИН. Залетевшие в память совы не означают, что ты – ведьма.

ШЕРРИ. Кейтлин, можем мы просто убить ее? Я думаю, нам надо ее убить. Мы положим ее в котел и сварим суп.

МИННИ. Гремел гром, сверкали молнии, и мы убивали свинью.

ШЕРРИ. Может, нам просто захотелось отбивных.

МИННИ. И мы мучили жену матроса. Клали горячие каштаны ей на живот.

КЕЙТЛИН. Все это было в пьесе. И даже это реальность, произошло все давным-давно, и это были не мы. Все в прошлом.

МИННИ. Прошлое по-прежнему здесь, и настоящее есть будущее, и будущее есть прошлое. Я знаю. Я видела будущее в треснутом осколке зеркала.

ШЕРРИ. Ты – ведьма и не могла найти зеркала получше?

МИННИ. Человек может смотреть только в то зеркало, которое при нем.

КЕЙТЛИН. На прошлой неделе тебе приснился мужчина с тремя ушами. Потом ты проснулась и подумала, что залила кровью. Увидела в окне что-то с красными глазами. Тебе приснилось, что док Вольф превратил тебя в корову. Тебе приснилась, что в хлебнице отрезанная голова. Тебе приснился медведь за рулем автомобиля. Тебе приснились деревья, которые ночью бродят по лесу.

МИННИ. Деревья бродили. Почему мне никто не верит? Знаете, как это раздражает, когда тебе никто не верит? Это нереально. А вот сон реален. Мы – ведьмы. НА пустынном берегу. Я закрываю глаза и вижу себя там. И у нас есть власть. Мы – не жертвы. У нас есть власть над мужчинами. И над жизнью и смертью. Потому что на самом деле никакой смерти нет. И никто никуда не уходит.

ШЕРРИ (*по щекам текут слезы*). Мне так недостает бабушки Минни.

КЕЙТЛИН (*подходит, чтобы обнять ШЕРРИ*). Нет-нет-

нет-нет. Не плачь. Видишь, что ты наделала?

МИННИ. Я этого не делала. Не убивала ее.

КЕЙТЛИН. Минни, ты не хочешь идти на похороны, вот ты и придумываешь эти воображаемые места, чтобы спрятаться, у себя в голове. Но мы должны пойти. Ради бабушки Минни.

МИННИ. У нас одно имя. Я была ее любимицей. Она водила меня в кино и театр, давала книги, учила, как выращивать овощи и как готовить, рассказывала, что растет в лесу, объясняла, как быть сильной и уметь постоять за себя, как оставаться сама собой, несмотря ни на что. И теперь я могу вообразить, что угодно, и оно станет реальным. Потому что я сильная, и у меня есть власть.

КЕЙТЛИН. Я знаю, знаю. Просто оденься, чтобы мы могли наконец-то выйти из дома.

МИННИ. Я могу это доказать. Я могу доказать, что все это нереально. Я собираюсь закрыть глаза, щелкнуть пальцами и заставит все это исчезнуть. Вы готовы? Поехали. Раз. Два. Три.

(МИННИ щелкает пальцами и закрывает глаза. Затемнение).

2

Монолог Минни, которая и ранее казалось не в себе, а тут происшествие с сороконожкой, увы, отправляет ее в дурдом.

СОРОКОНОЖКИ

Один персонаж, МИННИ, женщина лет двадцати пяти, которая обращается зрителям с пустой, если не считать одного деревянного стула, сцены.

(МИННИ, женщина лет двадцати пяти, обращается к нам с пустой, если не считать одного деревянного стула, сцены).

МИННИ. Раньше, вставая глубокой ночью, чтобы пойти в туалет, я не зажигала свет. Подходила к стенному шкафу, шла вдоль него до угла, протягивала руку, открывала дверь, пересекала коридор, на ощупь находила дверь в ванную, и включала свет там. Так мне удавалось не потревожить моего мужа, Мака, который раздражался, если я будила его.

Мне всегда нравилась глубокая ночь, эта часть суток воспринималась мною, как что-то особенное. На часы я старалась не смотреть, чтобы не испортить ощущение, будто в темном доме время для меня остановилось. Именно в этот

час Дагвуд Бамстид тайком прокрадывался на кухню и готовил себе свой знаменитый сэндвич, тогда как Дейзи и щенки сидели вокруг и наблюдали, в надежде, что и им что-то перепадет. Толстые, многослойные сэндвичи по ночам – это не мое, но я босиком шлепала на кухню и открывала холодильник. В падающем из него свете, разгоняющем темноту, я чувствовала себя в безопасности. То же чувство вызывали у меня картинки в моей «Библии для детей», на которых Божий свет падал на землю, пробивая облака. Какое-то время, совсем маленькой, я даже думала, что Бог живет в нашем холодильнике. Иногда я согревала себе стакан молока и выпивала его, чтобы потом пробраться в постель и улечься рядом с Маком, чувствуя себя согретой как снаружи, так и внутри, и какое-то время наблюдать, как он спит. Но произошло событие, которое все изменило.

Однажды я вошла в ванную в темноте, как и всегда, зажгла свет, и на полу, посреди ванной, расположилась самая отвратительная тварь, какую я когда-либо видела в своей жизни: самая большая, самая уродливая, самая мерзкая сороконожка этого мира. Она замерла, когда вспыхнул свет. Я подумала, что она смотрит на меня, но не могла точно сказать, где у нее зад, а где – перед, из-за этих мерзких усиков с обоих концов. Я едва не позвала Макса, но сдержалась: не желаю быть одной из этих муляжских женщин, которым требуется мужчина, чтобы разобраться с насекомыми, хотя размеры этой твари впечатляли. Но при этом не хотелось мне ее уби-

вать. Терпеть не могу убивать, о чем бы ни шла речь. Случается, выгляжу такой нелепой, спасая мух и мотыльков. С мышами я жила многие годы. Теперь они, скорее, домашние любимцы. Меня даже не боятся. Поэтому я схватила полотенце, чтобы набросить на сороконожку, отправить в мусорное ведро, а потом вынести на улицу: эту технику я отработала при ловле сверчков, сравнительно милых, но очень шустрых существ. Но прежде чем полотенце упало на пол, эта тварь исчезла. Я хочу сказать, передвигалась она невероятно быстро. Перепугала меня не на шутку, и своей быстротой, и тем, что двинулась ко мне, а не от меня, словно хотела забраться на мою ступню и выше по ноге. Я вскрикнула и отпрыгнула назад, врезавшись задом в дверь, но сороконожка изменила курс и скрылась под комодом.

Сердце мое колотилось. По какой-то причине случившееся потрясло меня. Я, конечно, посмеялась над собой, встревожилась, что разбудила Мака, но он всегда спал крепко, как медведь. Я подняла полотенце, меня продолжало трясти, наклонилась, посмотрела под комод, и тут же представила себе, что сороконожка пулей выскакивает из-под него, чтобы вцепиться мне в волосы или что-то такое, но, разумеется, даже не смогла ее разглядеть, она запряталась где-то в темноте. Мне по-прежнему требовалось отлить, что я и сделала, представляя себе, как сороконожка, пробравшись за унитаз, поднимается по нему, чтобы укусить меня в очень нежное местечко.

Справив нужду, я поняла, что сейчас мне не до теплого молока. Хотелось просто забраться в теплую постель и свернуться клубочком, но предстояло идти босиком в темноте. Включив свет в спальне, я разбудила бы Мака, который не реагировал на шум, но отличался повышенной чувствительностью к свету. Как-никак художник, визуал. Поэтому, сцепив зубы, я выключила свет в ванной и в темноте пошла в спальню, на цыпочках, словно балерина, но долго так идти не могла, с координацией у меня не очень, поэтому уже у самой кровати почувствовала, как под моей ступней сжалось что-то мягкое и податливое. Конечно же, я заорала благим матом, прыгнула на кровать, приземлилась на Мака, который в старшей школе занимался борьбой и автоматически, еще не проснувшись, скрутил меня в бараний рог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.